

ВСПОМИНАЯ УСТОДА

Ануар АЛИМЖАНОВ

КОГДА в феврале 1962 года в Каире на свою вторую конференцию собрались видные писатели Азии и Африки и председательствующий предложил почтить память выдающихся деятелей культуры Востока, в зале прозвучали имена китайского революционера и писателя Лу Синя, индийского философа, поэта и музыканта Рабиндраната Тагора, египетского ученого-историка и писателя-публициста доктора Таха Хусейна, основоположника таджикской советской литературы, ученого, писателя и общественного деятеля Садриддина Айни.

Всех этих выдающихся людей еще при жизни называли наставниками, учителями. Все они были современниками грандиозных социальных потрясений, и на мировоззрение каждого из них наложила яркий отпечаток Великая Октябрьская социалистическая революция.

ЮНЕСКО приняло решение о праздновании 100-летия со дня рождения одного из крупнейших деятелей культуры Востока — Садриддина Айни, завоевавшего уважение и любовь потомков не только своей мудростью, талантом, но и бесстрашием.

**О рабы! Поднимайтесь
из праха,
Красным знаменем
мир озаря!
Сбросьте иго покорства
и страха —
Засияла свободы заря.**

**Мы рассеем уныние и горе,
Мы неправду разведем,
как дым,
Во всемирном безмерном
просторе
Справедливость навек
утвердим.**

Эти строки, написанные Садриддином Айни в самом начале 1918 года, стали первым стихотворением в таджикской советской поэзии, прозвучавшим подобно набату революции. Их автор уже в то время был известен во всех кишлаках на Памире, в Бухаре и Самарканде как бесстрашный и стойкий боец, талантливый поэт, создающий свои стихи на таджикском и узбекском языках.

С 1915 года С. Айни подвергается гонениям реакции, из-за чего вынужден тайно покинуть Бухару. Но в 1917 году прислужникам бухарского эмира удалось схватить поэта. С. Айни был подвергнут 75 палочным ударам и брошен в зиндан — подземелье. И кто знает, какова была бы его участь, если бы не революционно настроенные русские солдаты, которые ворвались в темницу и освободили поэта...

Время сохранило для нас страшный документ — фотографию Айни после пыток и вызволения его из подземелья, где он просидел 52 дня. Спина поэта иссечена, сам он истощен и обесил, в глазах затаились глубокая боль и гнев.

Не успев оправиться от ран, Айни едет в Самарканд, где большевики утверждают Советскую власть. Местное реакционное духовенство по указке бухарского эмира оглашает фетву — предаст поэта анафеме: Айни — отщепенец, он продал душу дьяволу, его нельзя пускать в Самарканд, являющийся одним из центров ислама...

Готовится новая расправа над поэтом, ищут наемных убийц. Самаркандский Совет депутатов ультимативно предупреждает главарей духовенства, что в случае покушения на жизнь Айни они понесут суровое наказание. А в

Бухаре в те дни происходит новое, неудавшееся восстание народа. Эмир отвечает на него жестокими казнями. Опасаясь за жизнь поэта, С. Айни отправляют в Ташкент.

Медленно заживают раны, но С. Айни неутомим, он всегда среди народа: как первый советский учитель помогает открытию школ, как первый таджикский журналист пишет прокламации, публикует стихи и статьи в первых газетах Советского Туркестана.

В ноябре 1920 года Садриддин Айни заканчивает работу над повестью «Бухарские палачи». К этому времени эмир уже был свергнут. Свергнут, но не добит. Раздобыв с помощью английской и американской агентуры оружие, он сколотил отряды басмачей и под прикрытием лозунга «священной» войны — газавата — пытался повести за собой веками живших во мраке ислама неграмотных жителей кишлаков и аулов.

Лицо было сорвать маску с лица эмира и поддерживавшего его реакционного духовенства, помочь людям труда вырваться из их лап. Этой цели и служила повесть «Бухарские палачи», сыгравшая огромную роль в воспитании самосознания народа, который верил своему поэту. Из уст в уста переходили стихи Айни, в которых клеймились жестокость и коварство эмира.

На страницах первого таджикского советского журнала «Пламя революции» С. Айни разъясняет реакционную суть джадидизма, публикует статьи, в которых призывает к ликвидации неграмотности.

В 1924 году выходит повесть «Одина», которая сразу же переводится на другие языки и приносит Садриддину Айни известность не только в нашей стране, но и за рубежом. Этой повестью начинается знаменитая трилогия Айни. С ее публикацией в первой таджикской газете «Овози тоджик» («Голос таджика») ученые связывают рождение советской таджикской прозы. Художественную эпопею о жизни таджикского народа почти за столетний период завершают романы «Дохунда» и «Рабы» (1934).

Научные исследования по истории литературы таджиков и узбеков, очерки, статьи и стихи, такие яркие произведения, как «Смерть ростовщика», «Восстание Муканны», «Герой таджикского народа Тимурмалик», выдвинули Садриддина Айни в ряд крупнейших ученых и писателей Советского Востока.

Как сын народа, имеющего тысячелетнюю культуру, обладающего богатейшим художественным наследием Рудаки и Джами, Абу Али Ибн Сины и Фирдоуси, Саади, Хафиза, Омара Хайяма и многих других блистательных поэтов, Садриддин Айни яростно боролся против вульгаризаторов истории, требовавших предать забвению великих мастеров прошлого. Он был одним из тех, кто защищал многовековую классику от

этих нападок, содействовал изучению и развитию лучших, прогрессивных традиций выдающихся мыслителей, ученых и поэтов Востока. Именно С. Айни широко исследовал творчество Рудаки, впервые нашел место его захоронения и помог антропологу-скульптору Герасимову воссоздать облик гениального поэта для потомков.

Это ему, Садриддину Айни, принадлежит первые научные труды о творчестве великих таджикско-персидских поэтов. Его вклад в науку и литературу Советского Востока огромно. Вполне естественно поэтому, что он был избран первым президентом Академии наук своей республики. Кстати, у С. Айни было два билета члена СП СССР — в одном подтверждалось, что он узбекский писатель, в другом — что таджикский. Оба билета были подписаны Максимом Горьким и выданы в 1934 году, в год образования Союза писателей СССР. Айни писал на двух языках и считается основоположником новой советской литературы и в Таджикистане, и в Узбекистане. Он был избран почетным членом узбекской Академии наук, а Ленинградский государственный университет присвоил ему степень доктора филологии...

Может быть, в статье, посвященной 100-летию со дня рождения Устода, и не стоило столь много места уделять его званиям, тем более, что полное перечисление их заняло бы еще немало места, но сами эти звания говорят о признании величия, таланта и заслуг человека, художественные произведения и научные труды которого по истории Средней Азии конца XIX и начала XX века и сегодня остаются классическими.

Как-то, будучи в Иране вместе с таджикским поэтом Мунином Каюстом, я спросил профессора Тегеранского университета: кто из советских писателей, на его взгляд, мог бы служить примером для современных литераторов Востока? Он немного задумался и ответил: «Пожалуй, Айни, Ауэзов, Айбек. — я, улыбнувшись, продолжил: — Получается, все ваши лучшие писатели на «А», но я тут ни при чем».

Действительно, без Айни, Айбека и Ауэзова невозможно себе представить ни культуру Советского Востока XX столетия, ни историю всей советской литературы в целом. И как жаль, что у нас еще мало фундаментальных трудов об их жизни и творчестве. Опыт этих первых крупных деятелей культуры Советского Востока, как и их замечательных соратников — Хамзы, Лахути, А. Калыри, Б. Майлина, И. Джансугурова, С. Сейфуллина, Гафура Гуляма, С. Муканова, М. Турсунзаде, Б. Кербабаева, почитаем и для нас, сегодняшних советских писателей, и для молодых борцов в странах Азии и Африки, отдающих свои знания и талант делу борьбы за равноправие народов, за прогресс национальных культур.

Садриддин Айни как продолжатель традиций великих поэтов-эпико-классиков Востока самим временем причислен к звездам первой величины на небосводе нашей многонациональной советской литературы. Его талант художника, основательного ученого, темперамент и убежденность борца были полностью раскрыты революцией, раскрывшей духовные силы наших народов.